

В.И. СМИРНОВ

АРХАНГЕЛЬСКИЕ ТУЕСА

«Подвижничество никогда не переводилось, подвиг принял лишь в наше время новые формы». Эти слова, сказанные В.И. Смирновым 18 мая 1922 г. по случаю 10-летия со дня основания Костромского научного общества по изучению местного края (КНО), можно рассматривать как эпиграф ко всей его жизни.

Василий Иванович Смирнов родился 28 января 1882 г. в с. Большая Брембала Владимирской губ. Он рано увлекся краеведением. Весной 1912 г. его избрали секретарем КНО, а позже его председателем. С 1922 г. под руководством В.И. Смирнова в Костроме работала этнографическая станция, ставившая своей задачей изучение культуры, быта и лингвистических особенностей края. Он также возглавлял Костромской областной музей.

Научные интересы В.И. Смирнова были чрезвычайно разнообразны. Как археолог он изучал памятники неолита и раннего железа лесной зоны Европейской части России. Его коллегами на этом по-прище выступали А.А. Спицын, В.А. Городцов, Б.С. Жуков, О.Н. Бадер, А.Я. Брюсов и другие именитые археологи. Увлекался также палеонтологией и геологией. Признанием его заслуг в изучении древностей края явилось проведение в Костроме в 1927 г. Второго совещания палеоэтнологов Центральной Промышленной области. О себе В.И. Смирнов говорил: «По своим научным вкусым я археолог и этнограф». Действительно, как и археологией, этнографией он занимался всю жизнь. В 1912 г. подготовил и издал «Программу для сортирования этнографических предметов». Свои научные работы публиковал в «Трудах КНО», которые выходили под его редакцией. Время от времени «Труды КНО» выходили как тематические этнографические, естественноисторические или экономические сборники с предисловием В.И. Смирнова, которые он рассыпал известным ученым и в библиотеки. Большой вклад в науку внесли такие его статьи, опубликованные в этом издании, как «Крестьянская изба и ее резные укращения в Макарьевском уезде Костромской губернии» (вып. 3. 1915. С. 171—178), «Народные похороны и притчания в Костромском крае» (вып. 15. 1920. С. 21—126), «Клады, паны и разбойники. Этнографические очерки Костромского края» (вып. 26. 1921), «Из вопросов и фактов этнологии Костромского края» (вып. 33. 1924. С. 134—161) и др. Большое значение В.И. Смирнов придавал разработке и публикации анкет для сортирования этнографических материалов. Им подготовле-

ны: «Программа для сортирования этнографических сведений о средствах передвижения» (в соавторстве с Н. Беляевой; 1926), «Какие у вас употребляются пряха и гребень» (1929), «Какие у вас строятся избы и дворы» (1929) и др. Ему была близка фольклористика, о чем свидетельствуют работы: «Потонувшие колокола» (вып. 29. 1923. С. 1—4), «Черт родился (Творимая легенда)» (там же. С. 17—20), «Народные гадания в Костромском крае» (вып. 41. 1927. С. 17—91). Диалектология посвящена «Анкета для сортирования материалов для народного словаря» (в соавторстве с Л.С. Китицыной; 1927). В.И. Смирнова по праву можно назвать и социологом. В 1916 г. он опубликовал статью «Костромская деревня в первое время войны (на основании данных анкеты, предпринятой КНО в конце 1914)» (вып. 5. 1916. С. 83—127). Он стал одним из пионеров изучения особенностей рабочего быта, подготовив «Программу для изучения труда и быта рабочих на лесозаготовках и лесосплаве» (1928) и «Программу по изучению быта рабочих» (в соавторстве с Л.С. Китицыной; 1929).

В.И. Смирнов проявил себя и как умелый библиограф. Совместно с Н. Умновым им подготовлены и изданы «Материалы по библиографии Костромского края»: вып. 1 — «Общие справочные издания и естественно-исторические издания и статьи» (вып. 14. 1919) и вып. 2 — «Антропология и этнография» (вып. 35. 1925). Он является автором «Краткого путеводителя по Костромскому музею» (1925).

Все послереволюционные годы, несмотря ни на какие трудности, В.И. Смирнов продолжал самоотверженно трудиться. «В борьбе за существование в такой ответственный период, когда кругом гибнут научно-просветительские учреждения, закрываются школы, читальни, библиотеки, университеты, членам Общества <...> приходится напрячь последние силы, чтобы спасти положение дела, чтобы Общество выжило, помня, что только знание страны может вывести русский народ из создавшегося тяжелого положения», — говорил он в 1922 г. Его работы этих лет, кроме костромских изданий, появлялись и на страницах центральных журналов «Этнография» и «Краеведение».

В конце 1920-х гг. деятельность В.И. Смирнова стала подвергаться грубой несправедливой критике. Он вынужден был покинуть Кострому и перебраться в Иваново, где год проработал в Областном краеведческом музее. Но переезд не спас от преследования. 15 ноября 1930 г. он был арестован. На следствии один из свидетелей, бывший

наборщик, а в то время зав. оргинструкторским отделом горкома партии, утверждал: «Смирнов без сомнения чужой человек по отношению к существующему строю; его идеология без сомнения враждебна политике Соввласти и партии, и он с момента Революции, руководя Научным обществом и Музеем, подобрал подходящих себе по духу людей». 15 января 1931 г. В.И. Смирнову было предъявлено обвинение: «Гр. Смирнов уличается в том, что: являясь руководителем Костромского Краеведческого Общества и Костромского Музея, в работе этих организаций проводил контрреволюционные установки, получаемые от Ленинградского Бюро Краеведения, являющегося контрреволюционным центром в краеведении». Ученого приговорили к высылке в Северный край.

В.И. Смирнова это не сломило. В Архангельске он включился в изучение истории и культуры Русского Севера. Официально состоял на службе в системе Северного геологического управления и в Северном краевом музее. Он не дождался разрешения вернуться в родные края и умер в Архангельске 21 октября 1941 г. Признан невиновным и реабилитирован в 1960 г.

В ссылке в местных и центральных изданиях В.И. Смирнов опубликовал ряд работ по археологии края. Там же завершил этнографические статьи: «Русское узорное тканье (костромские пояски)» и «Свадебные постройки Костромского района». Эти исследования помогли опубликовать Д.К. Зеленин в сборнике «Советская этнография» (соответственно: Т. 3. 1940. С. 92—106; Т. 4. 1940. С. 149—167). Уже по собранным в Архангельской области материалам В.И. Смирнов подготовил две новые статьи: «Северорусские орудия для сбора ягод» и «Архангельские туеса». Их он тоже отправил в Ленинград Д.К. Зеленину. Первую удалось опубликовать до войны (Советская этнография. Т. 5. 1941. С. 149—150), а второй не повезло: она осталась в архиве редакции, а сейчас хранится в архиве Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Ф. К-1. Оп. 1. Ед. хр. 105). Эта рукопись и публикуется, спустя более 60 лет, на страницах «Живой старины».

Литература

Китицына Л.С., Третьяков П.Н. Памяти Василия Ивановича Смирнова // Советская археология. 1968. № 4. С. 239—243; Сизинцева Л. «Антисоветский» музей. Краеведение глазами ГПУ // Родина. 1990. № 11. С. 33—35.

Береста издавна служит материалом для различных поделок у жителей лесистых местностей севера, удаленных от промышленных центров. В домашнем быту здесь применение бересты очень разнообразно: из нее делали пестры (ранцы), короба, корзины, лапти, ковши, игрушки, музыкальные инструменты, различные предметы домашней утвари, в том числе так называемые «туесы»¹.

Туес, туис, туяс (мн.ч. туесья, туясь, туеса) — это цилиндрический, с выемной деревянной крышкой, сосуд из бересты для молока, сметаны, яиц, грибов, ягод, соли и других съестных припасов. На юге Архангельской области туес повсеместно носит название — «бурак»², на западе области — «порочка»³ (приозерный район).

Туес — один из самых прочных, легких и удобных сосудов, предназначенный для хранения, сортирования и переноски различного рода продуктов (грибов, ягод и т.п.). Делается он повсеместно. Для туеса срубают березу, когда она «соцветеет» — в соку, до лета, примерно — когда цветет рожь. Весенняя береста имеет лучший цвет, она более плотная и крепкая, тогда как летняя береста мягка и непрочна, а осенняя и зимняя имеет более бледную окраску. Выбирается молодая береза с прямым без сучьев стволом, без «лопунов» (трещин) и «рушечек»⁴ (изъянов) толщиной в зависимости от того, какого диаметра предполагается поделка. Бываю туеса 12 см в диаметре, 8 и 4 (детские).

На срубленном стволе березы делаются ножом два пояса на расстоянии один от другого по высоте будущего туеса. Чтобы снять берестяный цилиндр «дупельшико», «дупльшико», «дупле»⁵ (род. п. дупля), употребляется еще одно орудие, которое в некоторых местах называется «пазило», в других — «катач», «катачок». Оно делается или тут же в лесу из твердого дерева или дома — из кости. Орудие представляется собой острие, с одной стороны плоское, с другой — горбиком. Просовывая пазило в надрез между корой березы и древесиной, причем плоской стороной пазило обращено к дереву, [мастер]⁶ осторожно и постепенно растягивает кору настолько, что пазило свободно просовывается по тому или другому надрезу кругом.

Затем постукиванием палки сколачивают «дуб» (нижнюю часть коры) и, скав в руках снимаемый цилиндр, быстро поворачивают в одну сторону. После этого цилиндр легко снимается. С одной срубленной березы снимают до 5 дупелков. Нижнюю часть коры легко очищают, дупелки складывают один в другой, сушат в прохладном месте — или в «голубце» (подвале), или на «повити»⁷ (чердак). В сырое место их ни в коем случае класть нельзя.

Дупельшики представляют собой внутреннюю часть туеса, для наружной стороны туеса добывается весной же или в начале лета «скала» — листы бересты. Для скалы выбирают чистую часть ствола березы, надрезают легким нажимом ножа

бересту вдоль ствола и поперек кругом на требуемый размер, затем с помощью пазила скала⁸ отдирается от ствола слева направо. Заготовленные листы бересты укладываются на ровном месте — таким образом, чтобы листы были обращены внутренней стороной один к другому. На пачку листов кладется доска и еще какая-нибудь тяжесть, чтобы береста при просыхании не коробилась.

Процесс просыхания скалы длится около двух недель. Чаше, однако, заготовленное весной сырье обрабатывается («геноношится») уже зимою. В том случае, когда береста пересохнет, ее смачивают тепловой или горячей водой.

Внешняя сторона туеса также обворачивается берестой, гладкой стороной наружу.

Самая трудная работа — «сростить» верхнюю покрышку туеса, сделать «замок»⁹ оболочки, чтобы плотно закрепить ее на дупельшике. Береста оболочки сначала огибается вокруг цилиндра так, чтобы один конец заходил за другой (см. рис. 3). На том и другом крае загнутой вокруг цилиндра оболочки проводится ножом легкая черта. Отступая от этой черты на один сантиметр, проводят с той и другой стороны еще по черте. Последние служат границей для «язычков» и «прорезей». Язычки имеют форму треугольников на трапеции. Прорези на другом конце чаше имеют вид треугольников, но меньшей величины. Язычкигигибаются по краям и вставляются сверху в прорези (рис. 1).

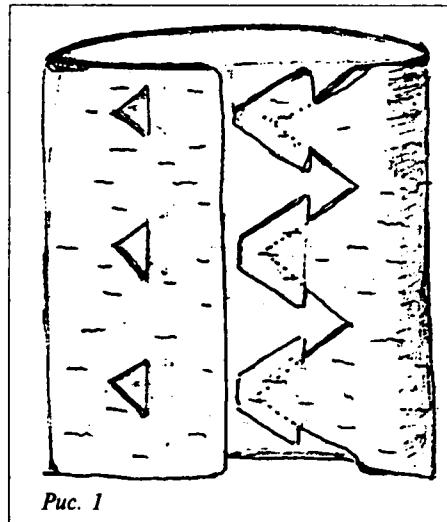

Рис. 1

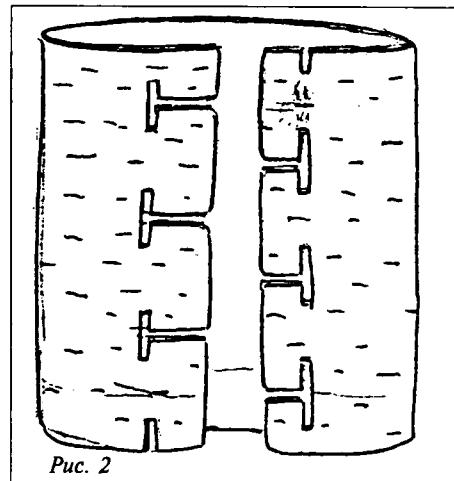

Рис. 2

легко загибается веко — свободная часть распаренного цилиндра. Распаривание происходит посредством опускания в кипяток.

В некоторых местах верх туеса обшивается корнем или той же саргой.

Дно туеса делается таким образом: измеряют окружность, вырезают деревянный пруток, который и вставляют после того, как распарят нижнее веко. Несколько ниже уже вставленного дна надевается ободок из сарги. После этого натягивается на оболочку нижнее веко (см. рис. 3).

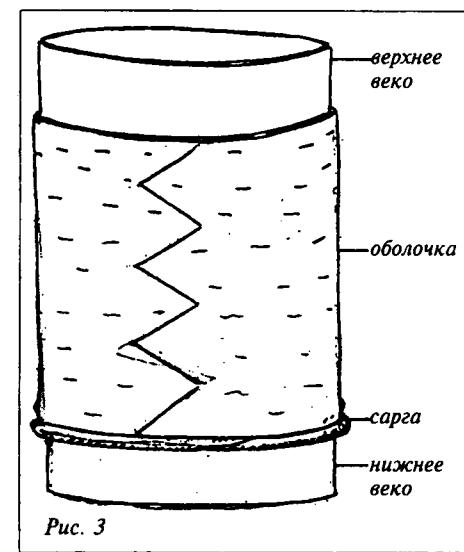

Рис. 3

По мере дна изготавливается деревянная крышка. Ручка крышки делается иногда из можжевельника, потому что он хорошо гнется и имеет приятный запах, чаше — из осины, которая, будучи распарена, также хорошо гнется. На внутренней стороне крышки концы ручки, просунутые в два отверстия, скрепляются колком.

Туеса, как и другие предметы домашнего обихода, часто очень любовно украшаются прорезью, чеканом и росписью. По Сев. Двине и в бассейне р. Пинеги часто встречается роспись туесов. Украшения прорезью и чеканом наблюдаются к югу. По всей видимости, художественное гнездо, откуда распространились рас-

крашенные туеса, находится в районе Чертковка.

Роспись туесов, делаемая масляными красками, поражает своей узорчатостью и цветистостью. Фон для росписи на туесе, почти как правило, кладется ярко-киноварно-красный, реже — синий или белый. Раскраска чаще ведется полными тонаами, впрочем, подбор цветов зависит от наличия красок и от вкуса живописца.

Принятые обычно сюжеты росписи туесов — петухи с пестрым оперением [процветшими]¹², сирины, фантастические цветы и травы. Среди нескольких десятков раскрашенных туесов мы ни разу не видели изображений жанровых сцен или пейзажей, которые, вообще говоря, нередко встречаются на предметах. Раскрашиваемое поле туеса обычно расчленяется на две части двумя линиями из разноцветных лепестков и завитков, которые идут сверху вниз. На одной стороне изображается символический мотив — петух или сирин, на другой — цветок. Встречаются росписи с одной расчленяющей линией лепестков, положенной до линии замка¹³ верхней оболочки туеса. В таком случае сирины, петухи, травы, растительные разводы и завитки связываются в одно целое, декоративно заполняют собою всю свободную площадь цилиндра.

Самые приемы росписи, передававшиеся из поколения в поколение, создали определенные художественные навыки. По определенному обычаю контур петуха наносится тонкой черной линией, после этого ведется его раскраска и живопись трав. Последней, однако, опять-таки кладется черная краска: при помощи тонкой кисточки ею наносятся завитки в травах и в хвосте петуха, вырисовываются его гребешок и бородка. Этот живописный прием наблюдается широко в народной живописи севера и центральной части РСФСР на мезенских коробьях и нижегородских прялках.

Другая школа тоже северодвинской живописи оказалась в раскраске туесов с белым фоном. Правда, сюжеты живописи те же, но уборка травами другая, напоминающая приемы раскраски некоторых заставок древних рукописей и росписей царских палат Кремля¹⁴. Возможно, сказалась здесь строгановская школа с ее центром в низовых Вычегды.

Примечания

¹ В рук.: без кавычек; ² в рук.: без кавычек; ³ в рук.: без кавычек; ⁴ в рук.: оба слова без кавычек; ⁵ в рук.: оба слова без кавычек; ⁶ в рук.: это слово пропущено; ⁷ в рук.: оба слова без кавычек; ⁸ в рук.: «скалы»; ⁹ в рук.: «Замок»; ¹⁰ в рук.: «затем»; ¹¹ в рук.: без кавычек.; ¹² авторское слово, оставшееся в рукописи синтаксически не согласованным; ¹³ в рук.: «Замка»; ¹⁴ в рук.: «кремля».

Предисловие и публикация
А. М. РЕШЕТОВА
(Санкт-Петербург)

Е. А. КОСТЮХИН

ИВАН СНЕГИРЕВ — ИСТОРИК МОСКВЫ

Одним из первых историков Москвы был Иван Михайлович Снегирев (1793—1868). Профессор кафедры римской словесности и древностей Московского университета, преподаватель русской словесности и цензор, Снегирев отдавал все свободное время изучению русского народа — его истории, фольклора и этнографии. Снегиреву принадлежат капитальные исследования о русских народных праздниках и обрядах, о лубочных картинках. Он составил сборник «Русские народные пословицы и притчи» (М., 1848) — наиболее полное до классического труда В. И. Даля собрание русских пословиц. Это был первый в истории отечественной фольклористики научный сборник: со вступительной статьей, где изложена суть предмета и указаны источники текстов, с комментариями и вариантами.

Особенно много занимался Снегирев памятниками московской старины. Ему принадлежит множество книг о старинных монастырях и прочих памятниках московской древности. Снегирев был автором, соавтором и издателем больших книг: «Древности Российского государства» (1836—1853), «Русская старина в памятниках церковно-гражданского зодчества» (1846—1854), «Памятники Московской древности» (1846), «Памятники древнего художества в России» (1850), «Москва. Подробное историческое и археологическое описание города» (1865—1873). Работа над ними велась по поручению Общества истории и древностей российских и требовала огромных трудов. Отчтываясь в своих занятиях, Снегирев сообщал видному историку М. П. Погодину: «Перебрав доселе сотни книг и перечитав тысячи листов, писанных разными почерками XVII и XVIII веков, иногда я находил в них по нескольку строк и страниц, кои могли служить мне значительными материалами. Кроме сего, я осматривал в Московских соборах, церквях и монастырях достопамятные предметы, поверяя их указаниями, какие встречались мне в архивах или в книгах; обозревал в окрестностях Москвы старинные памятники, посещал и частные библиотеки и вел переписку с иного-родными любителями отечественных древностей для распространения и поверки моих сведений» [1. С. 424—425].

Снегирев был не столько исследователем, сколько собирателем и коллекционером диковинок. Исследовательские страницы перемежаются у него с занимательной информацией. Создается впечатление, что научных целей Снегирев и не преследовал: он как описывает памятники древности, так и рассказывает о них — рассказывает увлеченно, с искренней любовью к

ЕВГЕНИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ КОСТЮХИН,
доктор филол. наук; Ин-т русской литературы РАН (Санкт-Петербург)

старине, не составляя себе труда поверить свои восторги холодным рассудком. Поэтому русская историческая наука отнеслась к трудам Снегирева очень сурово, отметив как «важнейший, самый существенный недостаток этого безмерного и не всегда толкового собирательства <...> отсутствие всякой критики, отсутствие руководящей, объединяющей, последовательной мысли <...> отсутствие самых обыкновенных критических приемов в выборе, сличении и сообщении разнообразных фактов и всяких свидетельств в их должной оценке <...> небрежность, с какою автор всегда почти относится к текстам, к подлинным словам, и к ссылкам на эти слова» [2. С. 119—122].

Действительно, ценители точной информации должны относиться к сочинениям Снегирева с большой осторожностью. Снегирев сложился как ученый в то время, когда еще не настала пора подлинно научной методологии. Но многое объясняется и его личностью — балагура и пересмешника, чужого ученой сосредоточенности, любителя «лить пули» (так характеризовал его учившийся у Снегирева в университете И. А. Гончаров). Подобно старому экскурсоводу, Снегирев сочинял целые повести, не гнушаясь вольным изложением фактов. Рассказывает Снегирев о подмосковном селе Ростокине — и делает экскурс в историю восприятия гор славянами. Тут вспоминаются и Лысая гора у Киева, и Соботка в Силезии, куда слетались под Иванов день ведьмы на шабаш. От поклонных гор отправлялись на все четыре стороны изгнанные общиной тати — по пословице «худая трава из поля вон». Среди «исторических воспоминаний», связанных с Ростокином, есть и такое: «Предметом сказаний, песен и романов сделалась Танька Ростокинская, удалая крестьянская девка, которая некогда с шайкой своей, приставая в острове, грабила и разбивала обозы» [3. С. 48—52].

Может ли строгий историк доверяться молве? Снегирев доверялся. Одним из его источников были местные предания, связанные с топонимикой. Эти предания хранят память о людях и событиях, иногда объясняя то или иное название, чаще — сами нуждаясь в объяснениях. Снегирев охотно брался за истолкование названий, но далеко не всякий историк с ним согласится. Так, название «Китай-город» Снегирев объяснял тем, что супруга князя Василия Иоанновича была родом из Подолии, где был свой Китайгород, тогда как современные историки производят это название от «китов» — плетня из жердей, засыпанных землей. Но народное восприятие давних названий ничуть не менее значимо, чем историческая истина. «Это неписанные памятники разных событий, имеющих связь с историей города», пусть